

УДК 008:069+340.1(470+571)«2»
ББК 71.0+79.1+67.0(2)

К.Е. РЫБАК

СИСТЕМНЫЕ ПРИНЦИПЫ И МУЗЕЙНОЕ ПРАВО

Рассматривается специфика проявления общесистемных принципов в законодательстве Российской Федерации о культуре. Реализация системных принципов прослеживается применительно к музейной деятельности и, следовательно, к комплексному образованию в праве — музейному праву, в том числе применительно к принципу иерархии в распределении полномочий органов власти в области культуры. Кроме того, анализируется институт антикоррупционной экспертизы, с помощью которого осуществляется тестирование новелл в российском законодательстве, в том числе в законодательстве о культуре и музейном деле.

Ключевые слова: системный подход, система законодательства, культура, музейное право, коррупция.

Правоотношения в сфере культуры многогранны и пронизывают многие сферы деятельности человека, соприкасающиеся с культурой.

Элементы музейного права обнаруживаются в международном публичном, частном праве, а также во внутригосударственных законодательствах разных стран (табл. 1).

Отбор норм права для включения их в качестве элементов системы происходит путем соотнесения отношений, которые они регулируют, с отношениями, составляющими предмет правового регулирования. Последние представляют собой системообразующий фактор музейного права.

КУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Деформация содержания музейного права

Правовая материя как фрагмент социального пространства		
Музейное право		
Внутригосударственное право	Международное частное право	Международное публичное право
Совокупность правовых норм, устанавливаемых государством и предназначенных для регулирования человеческой деятельности в связи с:	Совокупность правовых норм, которая регулирует имеющие место между субъектами международного частного права частноправовые отношения, возникающие в связи с:	Совокупность правовых норм, которая регулирует имеющие место между субъектами международного публичного права публично-правовые отношения, возникающие в связи с:
<ul style="list-style-type: none"> • созданием, выявлением, сохранением, освоением, популяризацией и передачей будущим поколениям культурных ценностей во всех их проявлениях; • созданием благоприятной среды для культурных обменов и расцвета творческих способностей человека; • обеспечением свободного доступа к возможностям художественного творчества; • формированием диалога между культурами и содействием международному взаимопониманию 		

Очевидно, что музейную и антикварную деятельность регулирует достаточное количество норм права, относящихся к различным ветвям национального законодательства (уголовному, гражданскому, экологическому, таможенному и проч.). В связи с этим возникает ряд вопросов. Во-первых, элемент системы музейного права — пункт статьи, статья, раздел закона, закон в целом? Во-вторых, можно ли нормы права, так или иначе относящиеся к музейной деятельности, причислять к элементам системы музейного права? В-третьих, каковы границы расширения системы? Очевидно, что границы системы задаются исследователем. Существует феномен «свободного пробега понятия». В данном случае — это свобода включения абстракции при описании теории музейного права. Степень абстрагирования зависит от степени полиморфизма, инверсности и неполноты самого научного фонда и семантики, с ним связанной.

Полиморфизм музейного права заключается в сочленении семантического понятия из одной области с понятием из другой области («музей» плюс «право»). Инверсность — трансформация и обновление собственной семантики. Иными словами, уточнять понятие можно сколько угодно. Неполнота — формальное логическое следствие жизни понятий научного фонда. Согласно теореме Геделя, достаточно богатая, содержательная теория в полной мере неформализуема, более того, теория не может быть полной и полностью формализуемой. Проблема понимания возникает вследствие культурных, социальных, языковых разломов (гипотеза Сепира — Уорфа, теорема Квайна). Это ярко проявляется при переводе западных работ по музейному праву на русский язык. Некоторые термины переводятся многозначно, что приводит к инвариантному толкованию и объяснению (например: cultural property, cultural goods, Antiquity Act и др.).

Как представляется, в систему музейного права должны включаться не только нормы права, но и группы взаимосвязанных норм, часть которых принадлежит иным правовым подсистемам. Например, Федеральный закон от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» уделяет внимание музейной деятельности и включается в систему музейного права (и как единый источник, и как совокупность норм). В ст.36 Закона говорится, что производство изобразительной, печатной и другой тиражированной продукции осуществляется с разрешения дирекции музея. Что будет, если продукция была произведена, но разрешение не было получено? Музеи могут применить нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, а именно ст.15. Совершенно очевидно, что эта статья не включается в систему музейного права. В ст.56 Закона Российской Федерации «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15 апреля 1993 года №4801-1 констатируется, что незаконный вывоз и ввоз культурных ценностей квалифицируется как контрабанда и наказывается в соответствии с уголовным законодательством Российской Федерации и законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях.

Элементы системы музейного права (или системы права в целом) связаны с общественными отношениями, которые ими регулируются. Следовательно, система музейного права каким-то образом сочетается с социальной системой, в состав которой входят различные виды социальных действий. Можно ли рассматривать систему музейного права или права вообще вне социальной системы? Нельзя, поскольку рассмотрение системы музейного права вне системы социальной будет односторонним. Рассмотрение музейного права как подсистемы (модуля)

социальной системы позволит определить влияние модуля на формирование и развитие системы в целом.

Рассмотрение любой совокупности норм права с позиций системного подхода сводится к тому, чтобы на основе социально-философского анализа понятий, терминов, описывающих социальный створ¹, и анализа нормативной системы (международной, национальной) выделить правовую систему, обосновать тот факт, что она удовлетворяет общесистемным принципам, выявить особенности этой системы и дать прогноз развития.

Для всестороннего прогноза развития системы музейного права как составляющей социальной системы применяется *метод аналогии*, который представляет собой «установление внешнего сходства проявлений различных систем» [1, с. 308]. Метод аналогии применяется при сравнении системы музейного права с сопричастными системами (собираательской/коллекционной активности, публикационной активности по музейному праву, источников и принципов музейного права).

Если обратиться к вопросу развития правовых систем, возникает проблема проверки допустимости включения конструируемой законодателем нормы в уже функционирующую систему. Одним из инструментов, «тестирующих» нормы проекта законодательного акта, является *антикоррупционный анализ*. Это молодой правовой институт, цель которого в конечном итоге сводится к выявлению деформированных социальных отношений в обществе; он выделился из другого содержательного направления правоведения — мониторинга права. Ценность последнего нельзя переоценить, поскольку наличие «фактически утративших силу актов», которые выявляются благодаря этому мониторингу, априори обуславливает признание существования квазинорм, которые сохраняются в системе действующего законодательства, но не применяются. Побочный эффект присутствия рудиментарных остатков в системе законодательства — соблазн применить их в угоду личным устремлениям. Косвенным следствием этого становится девальвирование сложившихся институциональных образований в законодательстве.

Обращение лица, проводящего антикоррупционную экспертизу, к условиям и процессам нормообразования позволяет выявить возможные экономические интересы или политические дивиденды от будущего правоприменения.

Оценка проектов правовых актов на наличие в них коррупционных норм осуществляется с помощью нормативно же закрепленных маркеров — набора коррупционных факторов.

Насколько жизнеспособен механизм исследования элементов, претендующих на включение в нормативную систему, с использованием ресурсов той же системы?

Обратимся к аналогии — доказательной медицине, базис которой состоит в выявлении симптомов, диагностическом отождествлении их с определенной системой и в применении лечебных мероприятий, направленных

на их устранение. Обращаем внимание, что лечению (устранению) подвергаются симптомы, а не причины, их обусловившие. Также и с антикоррупционным законодательством, в котором перечислены «симптомы» — коррупционные факторы, которые, обнаружив в проекте, эксперт должен изъять и тем самым «вылечить» проект акта. Итак, в проекте акта выделены эти составляющие, что похвально, однако будет ли впоследствии выхолощенный акт устойчив к коррупционному преломлению? Ведь остается возможность искаженного (заметим, не всегда противоправного), то есть отличного от исходных целей, правового регулирования, применения нормы. Как следствие, социальный эффект, который закладывался разработчиками нормы, не будет достигнут.

Прибегнем вновь к аналогии и зададимся вопросом: свидетельствует ли отсутствие повышенной температуры о нормальном функционировании человеческого организма? Чтобы дать однозначный ответ, необходимо исследовать совокупность иных показателей. Например, нормальные значения биохимических показателей не могут с очевидностью свидетельствовать о том, что организм функционирует в пределах нормы. Действительно, установление нижней и верхней границы нормы — результат договора, в основе которого лежат статистические наблюдения. Но много ли известно исследований о комплексном сочетании показателей в пределах нормы, тем не менее, не диагностирующих уже развивающийся патологический процесс? Именно поэтому слепое наложение трафарета коррупционных маркеров на проект акта не исключает возможности сохранения в нем коррупционных составляющих, обнаруживающих себя лишь в системной взаимосвязи с уже действующими нормами права. Таким образом, антикоррупционной экспертизы одного лишь проекта без системной связи с иными нормами права, без обращения к экономическим, политическим реалиям, в которых подготавливается проект, совершенно недостаточно.

Анализ условий подготовки и принятия проекта выводит исследователя за пределы нормативной системы и способствует появлению оценочных субъективных суждений. Тем не менее, без этого нельзя всесторонне оценить проект, однако такая оценка не будет антикоррупционной экспертизой в том понимании, какое заложено в отечественном законодательстве. В определенной степени это верно, поскольку отказ от оценки проекта по четко определенным коррупционным маркерам обусловит многозначность понимания того, коррупционен проект или нет. Однако работа с одними лишь маркерами не исключает субъективизма, все зависит от глубины проверки и внутреннего убеждения контролирующих органов. Возникает вопрос: так нужно ли антикоррупционное законодательство? Ведь при внедрении новеллы в систему законодательства она должна проверяться на непротиворечивость системе, однозначность правоприменения и толкования, недопущение установления объективно неоправданных прав и свобод граждан и юридических лиц.

¹ В нашем случае — культура и, в частности, музейное дело. — К.Р.

Вспомним, что создание антикоррупционного законодательства явилось реакцией на кризис доверия общества к власти. Это доверие пытаются восстановить не за счет повышения юридико-технической грамотности законодателя, не создавая социальные условия, исключающие проявления коррупции, а педалируя социальные стереотипы о коррумпированности органов власти (почему-то выделяя при этом социальный сектор — медицину, образование, науку). Внедрение антикоррупционного законодательства должно было создать впечатление тотальной борьбы с коррупцией. На деле же его применение приобрело ритуальный характер.

Нельзя ожидать от права, что оно возьмет на себя функцию навигатора в обществе, станет целеполагающей субстанцией, поскольку оно преследует иные цели, а именно, выступает регулирующим, в том числе карающим механизмом, фильтрующим и дозирующим информационные и материальные потоки, порождаемые общественным взаимодействием.

Проблемы начинаются при тонкой регулировке правового механизма: нужно найти путь от сдерживания негативных общественных проявлений к трансформации их в позитивные чаяния и закреплению этого позитива. Важно отметить, что под позитивом здесь понимается не желания элит², а следование моральным принципам — свобода для себя и уважение к свободе других, доверие по отношению к себе, способность не обманываться, узнавая правду, в том числе и в профессиональном плане, ведь гордыня профессионала — самый большой самообман. Право в его репрессивном смысле должно быть превращено в инструмент, способствующий созидательным спонтанным изменениям.

Осуществляя борьбу с коррупцией через задействование правовых механизмов без активного обращения к социальным неправовым регуляторам, мы лишаем себя очень ценных ресурсов, оставляя в арсенале лишь карательный механизм права.

Коррупция — социальная легенда, но не миф; она построена на страхах, в том числе непережитых, но прожитых ситуациях в жизни многих поколений людей, населявших территорию нашей страны и живущих сейчас. Тем самым в социальной системе накапливаются незавершенные действия, которые, изменяя ее, способствуют тому, что малые возмущения приводят к сильным реакциям. Это стойко существующая в России парадигма, восходящая к византийским симпатиям удельных княжеств Руси. Кампания по борьбе с коррупцией будет раздувать негативные эмоции людей, противопоставлять одних другим, акцентировать иллюзорные преимущества одних перед другими, не предлагая никаких механизмов замещения этих эмоций качественно положительными моментами в жизни людей.

В любых подсистемах и системах законодательства присутствуют избыточные элементы (квазинормы); социальная реакция на изменение норм непредсказуема.

Эти особенности являются преломлением общесистемных принципов, обнаруживаемых в процессе анализа социальных явлений и правовых систем, в том числе с помощью антикоррупционного анализа.

Не ставя целью детально описать упомянутые принципы — это блестяще сделал профессор А.А. Давыдов [2, с. 22] — в общих чертах опишем некоторые из них на примере законодательства о культуре и, в частности, музейного права.

Законодательство России, рассматриваемое как система, представляет собой множества элементов (норм права), совокупностей норм (законы, кодексы), между которыми имеются устойчивые связи, необходимые для сохранения и развития этих множеств в определенных социально-экономических, пространственно-временных условиях.

Элементы системы законодательства — нормы права — являются сконструированными по определенным правилам объектами, которые осуществляют преобразования общественных отношений (на входе — социальное отношение до нормативной регуляции, на выходе — измененное отношение).

Сочленяясь по определенным правилам между собой, элементы образуют систему, в которой реализуется цепочка корректирующих воздействий на общественные отношения. Связи между нормами права понимаются как векторы, задающие направление правоприменения. Эти связи, как правило, динамические, посредством них передается информация от одного элемента системы в другой, хотя есть и статические структурные связи — когда информация, заполняющая связь между элементами, не перемещается от сопряженных элементов [3, с. 50—51]. Статические связи обеспечивают качество, а динамические — свойства системы. Типичные примеры динамических связей — процессуальные нормы, обеспечивающие течение судебного процесса, либо нормы, определяющие порядок применения норм права. Важно отметить дуализм — объект может моделироваться и как связь, и как элемент системы, а также то, что динамические связи могут переходить в статические и наоборот [3, с. 51—52].

Система законодательства является одним из продуктов деятельности социальной системы и оказывает влияние на ее развитие. Множества норм права различаются между собой количественными и качественными характеристиками, но в целом дополняют друг друга, что позволяет говорить о целостности системы, а также о том, что в ней обеспечивается надежность и возможность адекватного реагирования на воздействия среды (*принцип дополнительности*). Способность системы законодательства соразмерно воздействовать на социальную систему в пределах, установленных нормотворцем (на неопределенный круг лиц) и правоприменителем — судом (на ограниченный субъектный состав), дает возможность реализовать механизм обратной связи, позволяющий оценивать эффективность действия норм права и достижения ими целей правового регулирования.

² Господствующего класса в терминах марксистской теории. — К.Р.

Как справедливо отмечает Д.М. Жилин, человек не использует объекты как таковые, он использует их свойства, которые представляют собой информацию [3, с. 68—69].

Норма права, запечатленная в нормативном акте, объективирована в материальную форму (текст) и несет в себе определенную информацию. Тем самым полезность норм права ставится в зависимость от того, насколько полно исследована система общественных отношений, которые планируется урегулировать этими нормами и от того, насколько ожидаемы потребителем корректирующие воздействия, закладываемые нормой. Очевидно, что нельзя создать норму, «удобную» для всех, тем самым актуализируется принцип *предельной полезности*: добавление новой нормы права приносит меньшую пользу, чем прибавление предыдущей нормы в систему законодательства. Создаются помехи — коллизии между нормами, что снижает эффект от их применения. В связи с этим обратим внимание на чрезмерную увлеченность российских «нормотворцев» внесением изменений в отечественное законодательство.

Принцип системности определяет, что система законодательства расчленяется на взаимосвязанные подсистемы (отрасли, подотрасли и институты), которые соподчинены между собой (*принцип иерархии*), причем верхние уровни определяют функционирование нижних уровней (Конституция, федеральные конституционные законы, федеральные законы, подзаконные акты и проч.). В системе существует «ядро» и «периферия» (*принцип значимости*); имеется «слабое звено», внешнее воздействие на которое переводит систему из одного режима функционирования в другой либо способно ее разрушить.

Соответственно надежность системы определяется по надежности ее самого слабого звена.

Вспомним события 1917 года. Первыми декретами Советской власти были нивелированы, уничтожены основные принципы государственного устройства имперской России, что привело к вынужденным подвижкам в правовой системе страны.

В тесной связи с принципом слабого звена находится упоминавшийся нами *принцип иерархии*. Одно из его проявлений в праве — иерархия нормативных актов и принципов права. В основе каждой подсистемы права (отрасли законодательства) лежит ряд принципов. Эти принципы могут заимствоваться другими подсистемами права, причем привнесенный принцип может не занимать ключевого места среди принципов, которые закладываются в основу упомянутых подсистем. Изъятие «базового» принципа права из иерархической структуры правовой системы способно привести к ее оскудению и поэлементному расчленению. Элементы, насыщавшие систему права, «растворятся» в других правовых системах либо исчезнут. Подсистема права обретает тем большую самостоятельность, чем меньшее количество фундаментальных общеправовых принципов закладывается в ее основу. Проиллюстрируем динамику взаимовлияния принципов права в развитии подсистемы (отрасли) права (рис. 1).

Из рисунка видно, что при образовании подсистемы права (s) (новой отрасли права) в ее основу закладываются общеправовые принципы (в нашем случае они обозначены «А1» и «А3»). В создаваемой подсистеме присутствуют собственные принципы (В1—В3). С течением времени (к моменту t2) в результате взаимодействия

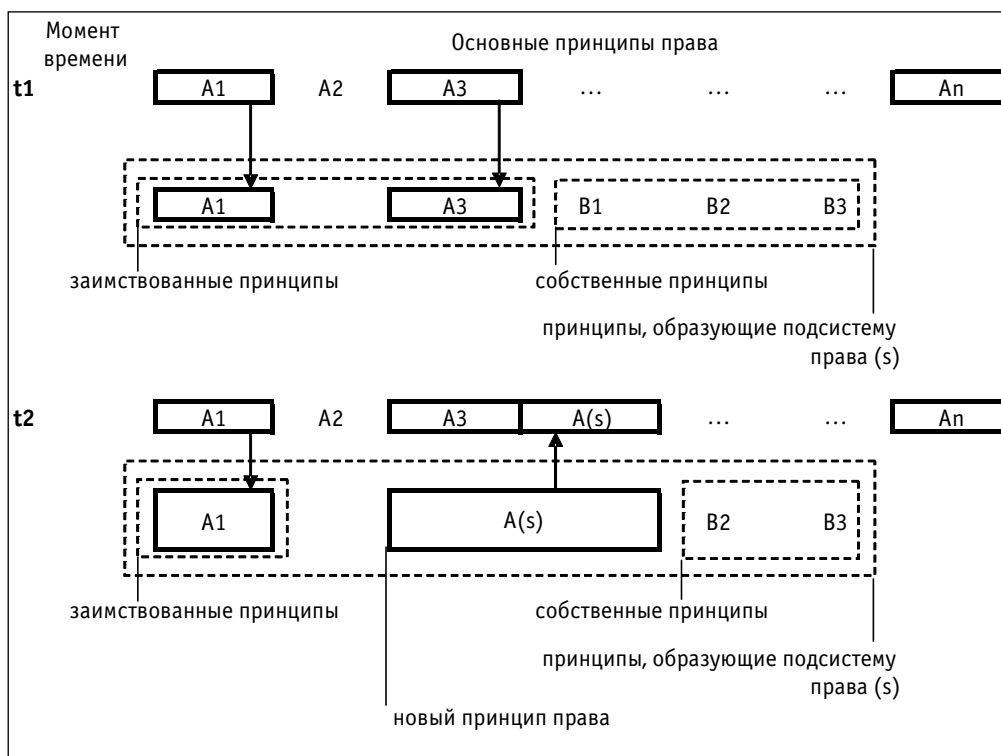

Рис.1. Трансформация принципов права

принципов А1, А3, В1—В3 происходит «сращивание» или «замещение» принципов: некоторые из них исключаются либо замещаются новыми (агрегированными, измененными) принципами права (на рисунке агрегированный принцип обозначен «А(s)»). Более того, А(s) может быть включен в число общеправовых принципов. Вытеснение одних принципов другими, их внутрисистемная трансформация связаны с *принципом избыточности*, согласно которому в системе присутствует избыточное количество элементов (свойств или отношений), что делает возможным дублирование, замещение и проч. Однако не стоит считать, что избыточность элементов действует во вред системе. Наличие схожих элементов (отношений, связей) системы, дополняющих друг друга, повышает ее устойчивость к внешним воздействиям, обеспечивает ее целостность. Идея дополнительности во имя повышения надежности системы реализуется в *принципе дополнительности*.

Принцип иерархии проявляется и в динамике сохранения правовых категорий. В основном термины социальной доктрины многозначны, так как отсутствуют укоренившиеся в терминологическом смысле понятия «культура», «история», «социальная группа» и проч., в то время как основные категории права четко определены в источнике права.

Наиболее очевидно принцип иерархии проявляется в том, как разворачивается нормативная система, регулирующая отношения в сфере культуры. Раскрытие системы можно проследить вертикально (например, передача полномочий) и горизонтально (специфика межсубъектных отношений в сфере культуры).

В ст. 44 Конституции Российской Федерации прописаны основные права и обязанности человека в сфере культуры, которые затем детализируются в нормах законодательства о культуре, науке и образовании:

- каждому гарантируется свобода литературного, художественного, научного, технического и др. творчества, преподавания;
- каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям;
- каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры.

В ст. 71, 72 Конституции распределяется компетенция Российской Федерации и ее субъектов в реализации культурной стратегии. В ведении Российской Федерации находится установление основ федеральной политики и федеральные программы в области культурного развития России; проведение этой политики обеспечивается Правительством Российской Федерации. В совместном ведении с субъектами находятся: охрана памятников истории и культуры; общие вопросы культуры.

В Законе от 9 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» раскрыты обязанности государства по реализации конституционных прав человека в сфере культуры (ст. 30—36)

и распределены полномочия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области культуры (ст. 37—39).

К полномочиям *федеральных органов государственной власти в области культуры относятся:*

- обеспечение прав и свобод человека в области культуры;
- установление основ федеральной культурной политики, принятие федерального законодательства в области культуры и федеральных государственных программ сохранения и развития культуры;
- правовое регулирование отношений собственности, основ хозяйственной деятельности и порядка распоряжения национальным культурным достоянием Российской Федерации;
- формирование федерального бюджета в части расходов на культуру;
- координация внешней политики в области культурного сотрудничества;
- регулирование вывоза и ввоза культурных ценностей;
- определение принципов государственной политики в области подготовки кадров в сфере культуры и искусств, занятости, оплаты труда, установление минимального размера ставок авторского вознаграждения по федеральным учреждениям культуры на основании перечня, утверждаемого Правительством Российской Федерации;
- создание единой государственной системы информационного обеспечения культурной деятельности в Российской Федерации;
- официальный статистический учет в области культуры;
- контроль за исполнением законодательства Российской Федерации о культуре;
- сохранение, использование, популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в федеральной собственности, и государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального значения, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации;
- охрана и сохранение особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации в порядке, устанавливаемом уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

К полномочиям *органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области культуры относятся:*

- сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в собственности субъекта Российской Федерации, государственная охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) регионального значения;
- организация библиотечного обслуживания населения библиотеками субъектов Российской Федерации;

- создание и поддержка государственных музеев (за исключением федеральных государственных музеев, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации);
- организация и поддержка учреждений культуры и искусства (за исключением федеральных учреждений культуры и искусства, перечень которых утверждается уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти);
- поддержка народных художественных промыслов (за исключением организаций народных художественных промыслов, перечень которых утверждается уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти);
- поддержка региональных и местных национально-культурных автономий.

К полномочиям *органов местного самоуправления поселения* в области культуры относятся:

- организация библиотечного обслуживания населения, комплектование и обеспечение сохранности библиотечных фондов библиотек поселения;
- создание условий для организации досуга и обеспечения жителей поселения услугами организаций культуры;
- сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в собственности поселения, охрана объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) местного (муниципального) значения, находящихся на территории поселения;
- создание условий для развития местного традиционного народного художественного творчества, участие в сохранении, возрождении и развитии народных художественных промыслов в поселении.

К полномочиям *органов местного самоуправления муниципального района* в области культуры относятся:

- организация библиотечного обслуживания населения межпоселенческими библиотеками, комплектование и обеспечение сохранности их библиотечных фондов;
- создание условий для обеспечения поселений, входящих в состав муниципального района, услугами по организации досуга и услугами организаций культуры;
- создание условий для развития местного традиционного народного художественного творчества в поселениях, входящих в состав муниципального района.

К полномочиям *органов местного самоуправления городского округа* в области культуры относятся:

- организация библиотечного обслуживания населения, комплектование и обеспечение сохранности библиотечных фондов библиотек городского округа;
- создание условий для организации досуга и обеспечения жителей городского округа услугами организаций культуры;
- сохранение, использование и популяризация объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), находящихся в собственности городского округа, охрана объектов культурного наследия (памят-

ников истории и культуры) местного (муниципального) значения, расположенных на территории городского округа;

- создание условий для развития местного традиционного народного художественного творчества, участие в сохранении, возрождении и развитии народных художественных промыслов в городском округе.

Итак, распределение полномочий в сфере культуры иерархично и предопределяет высокую нормотворческую активность субъектов Российской Федерации в сфере культуры. К настоящему времени в 60 субъектах приняты законы, регулирующие отношения в упомянутой сфере, причем в некоторых субъектах дважды (первоначальный закон признавался утратившим силу). Динамика принятия законов в 1993—2013 годах имеет выраженный периодический характер (см. рис. 2).

Анализ статей законов, в которых описываются полномочия (сферы ведения) органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области культуры, показывает, что в них часто повторяются полномочия органов государственной власти субъектов, перечисленные в ст. 38 «Основ законодательства Российской Федерации о культуре». То есть в законах субъектов РФ о культуре обнаруживается калькирование федерального законодательства с акцентом на культурную специфику субъектов, выражающуюся в первую очередь в пропаганде культурных ценностей народностей, населяющих территории субъектов Российской Федерации.

Несмотря на высокую по сравнению с другими областями гуманитарного знания формализованность права, в нем имеют место терминологические лакуны. Например, в музейном праве есть не раскрытые легально (в источниках права) понятия и термины, что приводит к трудностям в судебной практике. Право оперирует инвариантными понятиями «обязательство», «сделка», «преступление» и проч. На их основе происходит дальнейшее развитие норм права. Специфика права как сегмента гуманитарного знания заключается в том, что эти категории, начала права, в большинстве случаев формализованы в источниках права и являются нормами права. В каждой подсистеме законодательства имеются свои собственные нормативно определенные в законе «базисные» понятия, на основе которых развивается элементный состав отрасли.

Так, в системе музейного права, кроме заимствованных понятий («сделка», «содержание права собственности», «обязательство», «преступление» и др.), есть собственные понятия («культурные ценности», «музей», «музейный предмет», «музейный фонд»). Последние либо уникальны, либо в той или иной степени развивают содержание базисных правовых понятий.

В табл. 2 приведена часть иерархической структуры базовых элементов системы музейного права. Заметим, что эти элементы являются нормами музейного права и в совокупности образуют ядро системы. Фрагмент иерархии элементов системы музейного права представлен на рис. 3.

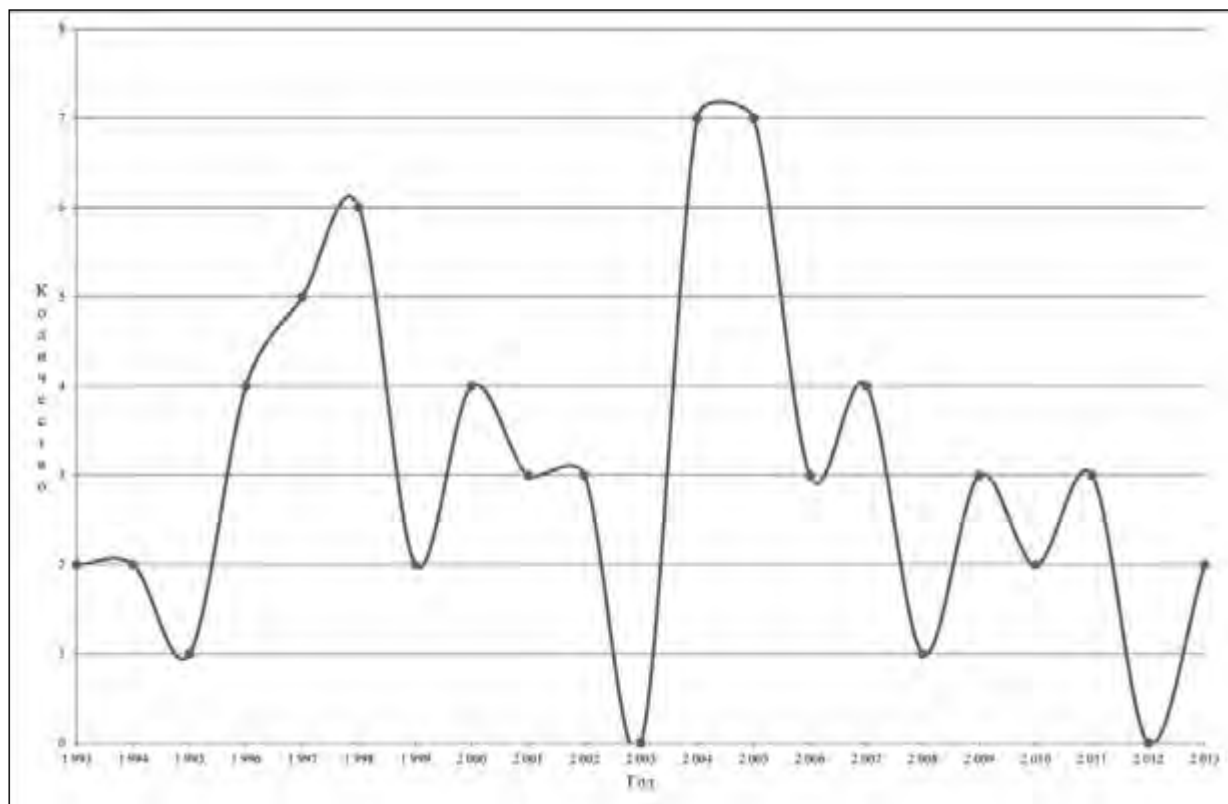

Рис.2. Динамика принятия законов в области культуры субъектами Российской Федерации

Различные составляющие системы законодательства неравновесны по количественному составу норм; как следствие имеет место неравномерное развитие под-

систем (*принцип неравномерного развития частей*). При этом в системе сохраняются определенные свойства и отношения независимо от метрических характеристик

Таблица 2

Иерархическая структура элементов системы музейного права

Название элемента системы музейного права	Содержание элемента
Культурные ценности	Предметы религиозного или светского характера, имеющие значение для истории и культуры и относящиеся к категориям движимых предметов, которые перечислены в ст.7 Закона Российской Федерации «О вывозе и ввозе культурных ценностей»
Музейный предмет	Культурная ценность, качество либо особые признаки которой делают необходимым для общества ее сохранение, изучение и публичное представление
Музейная коллекция	Совокупность культурных ценностей, которые приобретают свойства музейного предмета, только будучи соединенными вместе в силу характера своего происхождения, либо видового родства, либо по иным признакам
Музейный фонд	Совокупность постоянно находящихся на территории Российской Федерации музейных предметов и музейных коллекций, гражданский оборот которых допускается только с соблюдением ограничений, установленных Федеральным законом от 26 мая 1996 г. № 54-ФЗ
Музей	Некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций
Хранение	Один из основных видов деятельности музея, предполагающий создание материальных и юридических условий, при которых обеспечивается сохранность музейного предмета и музейной коллекции

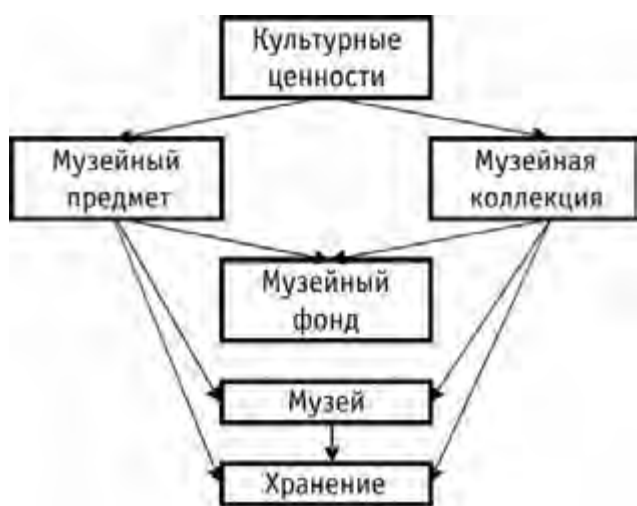

Рис.3.

Фрагмент иерархии элементов системы музейного права

системы и особенностей ее развития (*принцип подобия*). Этот принцип проявляется в законе стадийности развития (норма проживает один и тот же жизненный цикл) и законе цикличности (система с течением времени в той или иной степени повторяет свои состояния).

Существуют два вида циклов: событийный и факторный. Событийный цикл имеет место тогда, когда событие, произошедшее в прошлом, полностью повторилось. В реальной жизни подобные случаи практически не встречаются. Под факторным циклом понимается набор условий (факторов), обеспечивающих возвращение явления в то состояние, в котором оно уже находилось, причем совокупность предпосылок может возникать через различные по длительности промежутки времени. Как факторный, так и событийный циклы могут повторяться через одинаковые промежутки времени (темповальность).

Отличие факторного цикла от событийного заключается в том, что в первом наблюдается совпадение условий наступления события, а во втором совпадают сами события, а не их условия. Отметим, что совпадение условий наступления события не влечет наступления самого события (событийный циклизм не является обязательным следствием факторного циклизма).

Любой нормативный правовой акт (НПА) развивается по однонаправленному вектору (*закон стадийности развития*): принятие («рождение») НПА, внесение изменений и дополнений (стадия «зрелости» НПА), признание утратившими силу отдельных положений НПА или в целом акта (стадия «старости» и «смерти»).

Проследим стадии развития системы собирательской активности. Для этого интерпретируем идеи Н. Данилевского, А. Квингли, О. Шпенглера, А. Тойнби о цивилизационной динамике применительно к системе коллекционной активности. Исследовав развитие интереса собирателей к формированию коллекции, обнаруживаем фазы (этапы) коллекционной активности:

- смешение (хаотическое приобретение предметов, отсутствие сформированного предметного поля коллекции и полноценных знаний о предмете коллекционирования);
- созревание (в этой фазе из разнородного собрания выкристаллизовывается группа предметов, представляющих наибольший интерес для собирателя; у него вырабатываются критерии, в соответствии с которыми он оценивает предмет и включает его в коллекцию);
- территориальный рост (однонаправленный рост коллекции на фоне ужесточающихся требований коллекционера);
- конфликты (возникает необходимость исключения из коллекции некоторых предметов — в обменный фонд, на продажу — как не удовлетворяющих требованиям, предъявляемым к предметам в собрании);
- целостность (империи) (из коллекции уже вычленены предметы, не обладающие исключительной значимостью для собирателя, коллекционный поиск заходит в тупик вследствие отсутствия финансов либо предметов коллекционирования в обороте);
- упадок (коллекционер или его наследники теряют интерес к пополнению коллекции, меняются цели собирательства);
- расформирование (коллекция утрачивает целостность и распространяется среди иных лиц).

Цикличность развития системы законодательства позволяет говорить о действии в ее рамках *принципа симметрии*, согласно которому система сохраняет определенные характеристики независимо от преобразований той или иной системы, осуществляемых как законодателями, так и правоприменителями.

Между количеством элементов, частей и функций законодательной системы обнаруживаются определенные устойчивые зависимости, что является проявлением *принципа соответствия*, причем характер этих зависимостей нелинейный (*принцип нелинейности*). Наши исследования показали, что в своем развитии правовые системы демонстрируют сложное нестационарное поведение с периодическими и непериодическими составляющими на разных временных масштабах. Такой процесс может быть комбинацией хаотического компонента и периодов регулярности.

Механизм обратной связи, оценивающий, насколько норма права достигла своей цели, проявляет еще один принцип, присущий собственно социальным системам, — малые воздействия на законодательную систему могут вызывать сильные незапланированные реакции внутри социальной системы. Поясним сказанное. Представим себе ситуацию: группа биологов разработала некое лекарство. Его применение дает результат, но, вместе с тем, оно может вызвать побочный эффект, который не был учтен разработчиками.

Это иллюстрирует *принцип целостности*, тот гносеологический системный принцип, которого следует придерживаться специалисту, осуществляющему мониторинг права. Он сводится к тому, что «при системном подходе

чаще всего используют не так называемые “физикалистские” модели, основанные на небольшом количестве ведущих параметров, а имитационные модели, в которых исследователи пытаются учесть все элементы и связи анализируемой системы» [2, с. 29].

Системный принцип наблюдателя манифестирует, что система законодательства не может быть справедливой для всех членов социума. Иными словами, норма права несправедлива, поскольку она должна рассматриваться с различных позиций — правоприменитель и правопротребитель вряд ли придут к согласию о том, насколько правильно применена норма.

Принцип синхронизма — любое явление в системе, обусловленное действием всей системы в целом, будет содержать в себе черты этой системы. А.А. Давыдов, развивая содержание принципа синхронизма, отмечает: «...в мире существует некий всеобщий порядок, благодаря которому события и процессы, независимые друг от друга, оказываются взаимосвязанными разумным образом» [2, с. 23].

Из принципа не причинной связи вытекает, что нормы права, регулирующие различные виды общественных отношений, оказываются связанными между собой. Например, нормы систем уголовного и гражданского права оказываются связанными через нормы музейного права. Одним из источников музейного права является Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей». В ст. 18 говорится, что культурные ценности, заявленные к вывозу, подлежат обязательной экспертизе. Согласно ст. 58 того же закона, эксперт, давший заведомо ложное экспертное заключение, несет уголовную ответственность. Следовательно, нормы статей 18 и 58 Закона «О вывозе и ввозе культурных ценностей» «состыковывают» две системы — музейного и уголовного права. Далее, в ч. 1 ст. 307 УК РФ указано, что если заведомо ложное заключение привело к возникновению убытков у лица, чей предмет был заявлен на экспертизу, то это лицо может предъявить иск к эксперту, опираясь на положения ст. 15 ГК РФ «Возмещение убытков». Поэтому через норму ст. 307 УК РФ происходит «соприкосновение» систем уголовного и гражданского права.

Принципом синхронизма объясняется тот факт, что в системах разной природы обнаруживаются общие закономерности колебательной динамики. Непричинная связь (синхронизм) является проявлением общих количественных закономерностей в системах различной природы. Например, существует общее в колебательных процессах территориальной динамики и развитии источников музейного права. Изменение территории государства во многом зависит от состояния войны и мира; в системе музейного права внушительный блок норм, а также несколько основополагающих принципов касаются вопросов защиты, сохранения культурных ценностей во время вооруженных конфликтов, недопущения незаконного присвоения права собственности на них во время и после военных действий.

Принцип эквивалентности допускает, что социальную систему можно описать, в том числе с помощью

математического языка. Это выводит на поиск функционального описания динамики системы законодательства. Укажем на закон Ципфа и закон доминирующих частей [2, с. 17—19].

Согласно *принципу оптимальности*, система эффективно функционирует в определенных пределах. Соответственно за этими пределами наблюдается нагнетание стрессовых состояний системы, что может привести к ее гибели³. Так, тестирование системы антикоррупционными индикаторами направлено на перевод ее в новое качественное состояние, причем границы такового могут выходить в зоны угнетения системы и за пределы ее устойчивого функционирования.

Оценить степень устойчивости и надежность нормы права можно на этапе проектирования (экспертиза проектов нормативных правовых актов ведомствами, структурами Правительства, Государственной Думы, Совета Федерации) и «под нагрузкой» — в процессе правоприменения. Ценность института антикоррупционной экспертизы видится нам не в слепом наложении трафарета из антикоррупционных факторов на новеллы, а именно в комплексной оценке устойчивости этих новелл к целенаправленным и спонтанным возмущениям среды в процессе правоприменения.

Для системы законодательства, изменяющейся во времени, допустимо использовать категории надежности и устойчивости. Эти критерии позволяют оценивать ее жизнеспособность и эффективность действия норм права.

Под *надежностью* системы и ее частей (подсистем) мы понимаем свойство безотказно выполнять свои функции, сохраняя эксплуатационные качества в заданных пределах в течение установленного срока эксплуатации. Полагаем, что в данном случае корректнее говорить не о надежности, а об устойчивости системы, поскольку изменение системы законодательства продиктовано не объективными условиями среды, приводящими к износу системы, а субъективной оценкой законодателя того, выполняет ли норма заданные при ее создании функции или нет.

Под *устойчивостью* системы законодательства понимается способность динамической системы возвращаться в равновесное состояние после окончания возмущения, вызванного реализацией норм, которое нарушило это равновесие. Неустойчивая система после воздействия возмущения удаляется от равновесного состояния или начинает совершать вокруг него колебания с нарастающей амплитудой. Иными словами, возможны ситуации, когда после правоприменения норм системы законодательства возникает необходимость их коррекции, переводящей систему из одного состояния в другое.

³ См. Закон лимитирующего фактора Либиха: единственный фактор за пределами своего оптимума — минимаксных границ — приводит систему в стрессовое состояние, а также Закон толерантности Шелфорда: если в среде, являющейся совокупностью взаимодействующих факторов, есть такой фактор, значение которого меньше определенного минимума или больше определенного максимума, то проявление активной жизнедеятельности организма в этой среде невозможно.

Сказанное подчеркивает то, что в процессе правоприменения («в условиях эксплуатации норм права») нормы, наполняющие систему законодательства, могут меняться в определенных пределах. Эти изменения могут привести к потере устойчивости системы, если она функционирует вблизи границы устойчивости. Поэтому нужно стараться конструировать систему так, чтобы она работала вдали от этой границы; степень удаления называют запасом устойчивости.

Для определения устойчивости необходимо вычислить уровень внешних воздействий, которые могут перевести систему из одного качественного состояния в другое. Под режимом функционирования системы предлагаем понимать действие системы правового регулирования при заданных и неизменных принципах права. Внешние факторы — политическая обстановка, экономическая, демографическая ситуация в стране, внедряемые в систему норм права новые нормы права и прочее, вплоть до климатических условий.

Восстанавливаемость системы правового регулирования — способность системы возвращаться к прежним режимам функционирования, которые она пережила на различных этапах своего развития.

Устойчивость и восстанавливаемость системы правового регулирования тесно связаны уяснением характера колебательных процессов в системе. Переход системы из одного режима функционирования в другой выражается в колебательном процессе развития системы. Для определения режимов функционирования системы применяется вейвлет-анализ.

Фоновый принцип. Согласно И.В. Прангшвили, «фон является атрибутом системы, в качестве фона системы часто выступают стабильные процессы, обеспечивающие функционирование законов композиции отношений системы <...> фоновые излучения функционально связаны с объектом, и поэтому, исследуя только сигналы фона или его состояние, можно судить об объекте» [4, с. 100, 104].

Фоном по отношению к системе права служат сложившиеся в социуме общественные отношения. Анализируя развитость той или иной группы общественных отношений, можно судить о степени урегулированности этих отношений нормами права. Следует отметить, что очерченность, структурированность общественных отношений позволяет говорить о том, что ту или иную совокупность правовых норм можно отождествлять с отраслью законодательства.

Кроме перечисленных системных закономерностей следует отметить следующие.

Закон специализации подсистем в сложных системах. Можно говорить о том, что законодательства разных стран по-разному специализированы, в разных странах в различной степени урегулированы те или иные виды общественных отношений. Например, в США развито музейное право, в России оно находится на этапе становления.

Закон уникальности систем. Согласно этому закону, невозможно существование систем, характеристики которых полностью совпадают. Из закона следует, что невозможно перенести блок правовых норм из одного

странового законодательства в другое, не потеряв его первоначальной специфики.

Закон периферийного развития. Новые проявления в системе возникают на периферийном уровне вследствие слабости системных связей. Поэтому допустимо полагать, что законотворческие инициативы в первую очередь касаются отраслей права, которые регулируют развивающиеся общественные отношения (информационное право, право некоммерческих организаций и проч.). Эти отрасли права новы, они проходят стадию «территориального роста».

Закон «наименьшего действия», по которому процессы в системах протекают при минимальных затратах энергии. Следствием закона можно считать противодействие созданию новых отраслей права, которые могут привести к пересмотру устоявшихся положений правоправедения.

Законы Гаузе. А.А. Давыдов полагает допустимым применять законы Гаузе, действующие в биологии, к социальным системам. «Две социальные системы не могут одновременно занимать одну и ту же нишу в социальном пространстве. Если две социальные системы занимают одну и ту же нишу в социальном пространстве, то одна из них должна исчезнуть из данной ниши» [2, с. 39]. Социальное пространство — совокупность условий жизнедеятельности социальной системы. В социальном пространстве помимо политических, социальных, географических, культурных условий выделяются и правовые условия. Следовательно, позволительно полагать, что законы Гаузе применимы к правовым системам, как составляющим социальных систем. Предлагаем интерпретировать законы Гаузе применительно к праву следующим образом. Первый закон: две правовые системы не могут занимать одну и ту же нишу в социальном пространстве. Второй закон: если две правовые системы существуют на одном и том же социальном пространстве, то одна из них должна исчезнуть.

Закон сохранения. В системе существует определенное соотношение между интеграционными и дифференциационными проявлениями. С одной стороны, примером может служить выделение из отраслей законодательства новых правовых институтов (дифференциация правовых институтов). С другой стороны, создаваемые правовые образования вовлекают в себя как создаваемые, так и уже имеющиеся нормы права (интеграция норм права внутри институтов). Еще одним примером может служить принятие нового нормативного акта, сопровождающегося отменой ряда ранее действовавших норм права.

Выводы по результатам исследования:

- при системном подходе в праве возможно свободное (вне отраслевого деления) вычленение организованных совокупностей норм права в связи с регулируемыми ими социальными отношениями с целью их целостного рассмотрения;
- системный подход в праве нацеливает исследователя на установление качественных и, что немаловажно для социального знания (к которому причисляется и правоправедение), количественных закономерностей;
- системный подход в праве позволяет строить модели развития правовой системы, оценивать ее состояние в

- зависимости от степени воздействия как внешних, так и внутренних факторов;
- системный подход в праве реализуется в несколько этапов:
 - выделение совокупности отношений в определенной сфере деятельности,
 - выделение регулирующих эти отношения (как по разнь так и в совокупности) норм права,
 - конструирование «правовой системы» (правообразования), содержащей как нормы права, так и регулируемые ими общественные отношения,
 - проверка того, насколько полно реализуются общесистемные принципы в созданном исследователем правообразовании (если они реализуются в правообразовании в полной мере, последнее допустимо считать системой),
 - исследование реализации общесистемных законов в выделенной правовой системе;
 - применительно к законодательству о культуре, в частности о музейном деле, позволительно говорить, что оно является системным образованием, в котором

проявляются общесистемные принципы и которое действует согласно общесистемным законам;

- система музейного права функционирует (как и правовая система в целом) в состоянии, близком к состоянию промежуточности, что характерно для социальных систем;
- в системе законодательства о культуре имеются собственные количественные закономерности, в той или иной степени связанные с иными колебательными процессами в социальных системах.

Список литературы

1. *Резник Ю.М.* Введение в социальную теорию: социальная системология. — М.: Наука, 2005.
2. *Давыдов А.А.* Системный подход в социологии: законы социальных систем. — М.: Эдиториал УРСС, 2004.
3. *Жилин Д.М.* Теория систем. — М.: Эдиториал УРСС, 2004.
4. *Прангишвили И.В.* Энтропийные и другие системные закономерности: вопросы управления сложными системами. — М.: Наука, 2003.

УДК [1:316]:167
ББК 71.0+60.00

Е.А. РЕВУЦКАЯ

МОДЕРНИЗАЦИЯ VS АРХАИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СООТНОШЕНИЕ, ДИНАМИКА, СЛЕДСТВИЯ

Рассматриваются процессы модернизации и архаизации, происходящие в современной России, анализируется их взаимосвязь, влияние на характер и динамику социокультурных изменений.

Ключевые слова: современная Россия, традиционное общество, модернизация, глобализация, архаизация, динамика, следствия, изменения.

Вряд ли кто-то будет оспаривать мысль о том, что «Россия представляет собой сегодня традиционное общество, которое частично модернизировано, частично разрушено. Традиционная, современная и разрушенная части не являются изолированными, противостоящими друг другу сегментами, а существуют совместно и одновременно» [1, с. 114]. Подтверждение этому нетрудно найти, изучая сводки новостей из российских регионов или наблюдая за событиями, происходящими в собственной жизни и в жизни родных и знакомых. Часть регионов охвачена процессом архаизации — речь идет как об общественной жизни, так и об экономике. Государство, государственное начало ушло из очень многих сфер жизнедеятельности, открыв на низовом уровне возможности для «свободного творчества масс», которое часто

оказывается за гранью закона и в реальности является возвратом к архаическим способам ведения хозяйства и характеристикам общественной жизни. Общественные институты модерна не справляются с ситуацией и часто показывают свою неэффективность. Многие понимают, что-то нужно менять, трансформируя, совершенствуя то, от чего зависит наша жизнь.

Как в современной России соотносятся модернизация и архаизация? Какова динамика и особенности этих процессов в ее социокультурном пространстве? Многие исследователи обращались к этим сюжетам, и, тем не менее, проблема на данный момент не представляется исчерпанной.

Перемены в российском обществе объективно необходимы. Однако необходимо учитывать множество внутрен-